

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАНЗИТЫ И ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Статья 1

А.С. Мадатов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 10а, Москва, Россия, 117198

Данная статья продолжает начатую в предыдущем году серию, посвященную анализу региональной специфики демократических транзитов в рамках современной глобальной общемировой волны демократизации, которая началась в 70-е годы прошлого века в странах Южной Европы. Несмотря на то, что государства латиноамериканского континента сближаются с южноевропейскими странами принадлежность к странам среднеразвитого капитализма, а также относительное цивилизационное сходство с такими государствами иберийской цивилизации, как Испания и Португалия, переход от авторитаризма к демократии в Латинской Америке носил менее однолинейный и более противоречивый характер.

Из всех развивающихся стран опыт Латинской Америки как в истории авторитаризма, так и демократизации политических режимов особенно многогранен. На протяжении XX века политические режимы целого ряда государств этого континента были подвержены отмеченному С. Хантингтоном маятниковому колебанию между демократией и авторитаризмом. В одних странах (Аргентина, Чили) на определенный период устанавливались демократические (или частично демократические) режимы. Другие государства (например, Парагвай) никогда ранее не сталкивались с опытом демократического развития. Однако с конца 70-х и на протяжении 80-х годов прошлого века во всех латиноамериканских государствах (кроме Кубы) произошли серьезные трансформационные процессы, протекавшие в различных странах с неодинаковой степенью интенсивности. Результатом этих политических изменений явился слом старых авторитарных политических институтов и становление демократических (либо близких к таковым) форм правления. Тем не менее, многие из латиноамериканских демократий еще далеки от устойчивых полиархий западного образца.

Цивилизационно-культурная специфика

Анализируя политические изменения в Латинской Америке, нельзя хотя бы вкратце не коснуться цивилизационных особенностей стран этого региона. Общеизвестно, что латиноамериканская цивилизация и культура формировались в процессе взаимодействия трех пластов — автохтонного (индейского) и двух привнесенных — европейского (иберийского) и африканского. Данный процесс изначально был исключительно сложным, противоречивым и включал в себя разновекторные тенденции. Итогом этого многовекового взаимодействия стал симбиоз вышеперечисленных пластов культуры. Сам факт существования особой латиноамериканской цивилизации, как отмечает российский латиноамериканист Я.Г. Шемякин, есть «главный аргумент в пользу того, что синтез культур в этом регионе мира состоялся. Предпосылкой реализации именно этой альтернативы стала та динамика межцивилизационного взаимодействия, которая возобладали в эпоху конквисты: от прямого столкновения произошел постепенный переход к симбиозу...» [2. С. 57]. В формировании исторического облика стран региона приняли участие представители народов, принадлежащих к различным цивилизациям и культурам. Помимо трех вышеуказанных цивилизационных пластов некоторое косвенное воздействие на латиноамериканскую культуру сыграли выходцы из Азии и Арабского Востока. Однако на протяжении нескольких столетий (вплоть до настоящего времени) доминирующая роль в межцивилизационном взаимодействии и становлении латиноамериканской цивилизации принадлежит европейскому, в частности иберийскому, влиянию. В настоящее время большинством как российских, так и зарубежных исследователей не подвергается сомнению тезис о решающей роли иберийской культуры в формировании латиноамериканской идентичности (см.: [8; 12]).

В социально-политическом плане влияние иберийской цивилизации проявилось в чрезмерной роли государства и государственном вмешательстве почти во все области общественной жизни, смешении частной и публичной сфер, наличии громоздкого и разветвленного бюрократического аппарата. Данные черты иберийской политической культуры проявились в его латиноамериканском варианте как во времена колонизации, так и в постколониальный период. Отсюда вытекает и устойчивость авторитарных и авторитарно-бюрократических традиций в латиноамериканском регионе. Нередко все эти факторы используются для доказательства тезиса о неприменимости либеральных ценностей и принципов к странам Латинской Америки. Однако само иберо-католическое начало, во-первых, внутренне противоречиво и, во-вторых, также подвержено динамике. Здесь нельзя не согласиться с Я.Г. Шемякиным, который отмечает, что «содержание пиренейского социального генотипа отнюдь не сводится к «авторитарному комплексу» [8. С. 111]. Последний находился и находится в вопиющем противоречии с теми особенностями иберо-католического начала, которые как раз и позволили ему породить в результате культурного синтеза новый человеческий мир». К этим особенностям автор относит: «универсализм, открытость, комплекс представленный об относительности и вторичности ценностей власти, о подотчетности

правителей высшему, сакральному порядку бытия и необходимости обязательной легитимации их власти, ярко выраженная тенденция к личной независимости индивида и основанная на ней демократическая традиция, пробившая себе дорогу вопреки корпоративистским ограничениям, королевскому деспотизму и бюрократическому произволу» (См.: [8]). Достаточно вспомнить, что и в период Ренессанса, и с наступлением эпохи просвещения прогрессивные идеологические и политические новации, возникающие в передовых европейских странах, так или иначе, находили свое отражение и в иберийском мире. Позднее, на протяжении XIX века, наблюдался не только сложный и противоречивый процесс усвоения идей и принципов Просвещения на латиноамериканском континенте. Среди определенной части латиноамериканских мыслителей получили широкое распространение идеи о гражданском обществе и представительном правлении.

Противоречивость иберо-католического начала, которая в социально-политическом плане связана именно с противостоянием демократических и авторитарных тенденций, проявлялась на протяжении всей политической истории Латинской Америки XX века. И если прогрессивные силы региона ориентировались на демократические ценности, исходившие из либеральных традиций не только и не столько иберийского полуострова, сколько из Западной Европы и Северной Америки, то для консервативных и реакционных кругов на протяжении не одного десятилетия главными ориентирами были авторитарно-корпоративистские полуфашистские режимы Франко и Салазара в Испании и Португалии.

Поэтому не случайно, что демократическая революция в Португалии и кризис франкистского режима в Испании, как уже отмечалось, явились одним из важных внешних факторов демократического транзита в Латинской Америки. Здесь несомненна взаимосвязь политических процессов стран иберийской группы в рамках современной волны демократизации, когда с начала 80-х годов третья волна демократизации вслед за Южной Европой стала постепенно охватывать и Латинскую Америку.

Страновые особенности политических транзитов

На рубеже 1970—1980-х годов из всех стран континента лишь Коста-Рика была единственной страной, где политический режим в наибольшей мере соответствовал эталону либеральной демократии. Целая серия военных переворотов, охватившая многие латиноамериканские государства в 60—70-е годы (т.е. в период, совпавший со второй волной отката), сделала латиноамериканский континент эталоном военного авторитаризма. В 1979 году военные правительства существовали в Бразилии, Уругвае, Чили, Аргентине, Парагвае, Боливии, Перу, Эквадоре, Гватемале, Эль Сальвадоре и Гондурасе. В течение следующих десяти лет все они сменились на выборные гражданские правительства. Рассмотрим на материале отдельных стран (case studies) особенности демократического транзита.

Одной из первых стран, где процесс либерализации, а затем и демократического транзита символизировал распространение третьей волны демократизации

на латиноамериканский континент, была Бразилия. Показательно, что именно в этой стране военный переворот 1964 г. фактически ознаменовал начало второй волны отката от демократизации в Латинской Америке. Основу идеологии участников переворота составила «Доктрина национальной безопасности и развития». Эта доктрина включала в себя следующие базовые принципы: национализм, развитие, социальный порядок, антикоммунизм. Установившийся в результате переворота 1964 г. авторитарный режим обладал рядом черт, существенно отличающих его от предшествующих:

- консервативный и контрреформистский по отношению к социально-политическому курсу 30—50-х годов характер социальной и социально-экономической политики;

- лидирующая роль армии в политическом процессе и отстранение от власти прежних политических элит;

- ставка на политическую демобилизацию населения и электората;

- отсутствие явных харизматических лидеров общенационального масштаба;

- ярко выраженный «модернизационный» акцент в идеологии и политике под лозунгом «Развитие любой ценой»;

- опора на технократию и бюрократию как младших партнеров военного режима [1. С. 146—147].

В первые годы своего правления режим приобрел типичные репрессивные черты, характерные для всех военно-диктаторских режимов латиноамериканских стран. Были приостановлены юридические гарантии, запрещена политическая деятельность, а противники режима лишались гражданских прав. Типичной чертой военной диктатуры стали подавление массового студенческого и профсоюзного движения, аресты без суда и следствия, исчезновение людей и даже применение пыток. Вместе с тем ускоренное развитие экономики на рубеже 1960—1970-х годов («бразильское чудо») позволило военному режиму сочетать репрессивную политику с социально-экономическими мерами по улучшению жизненного уровня. Это проявилось, в частности, в расширении программы социального обеспечения и здравоохранения, кампаниях по борьбе с неграмотностью, мерах по расширению профессионального обучения. Повсеместно создавались новые рабочие места. Принятый правительством новый земельный кодекс способствовал формированию фермерских хозяйств и модернизации традиционных латифундий [4. С. 47].

Принятая военным правительством Конституция 1967 г. реформировала политическую систему страны. С одной стороны, допускался парламент (Национальный конгресс). В стране была создана сверху (т. е. под эгидой и контролем военных властей) двухпартийная система. Допускалась деятельность лишь двух политических партий, в которых обязаны были состоять все члены Национального конгресса: правительственный Национальный союз обновления (Арена) и оппозиционное Бразильское демократическое движение (МДБ). Таким образом, военный режим приобрел черты (по крайней мере чисто внешне) парламентского авторитаризма с чисто декоративной двухпартийностью и карманной оппозицией.

Начало либерализации режима ознаменовалось принятием в 1979 г. правительством Ж. Фигейреду пакета реформ, в который вошли политическая амнистия, предложения о прямых выборах губернаторов штатов и реформирование партийной структуры. Последнее предполагало ликвидацию принудительной и во многом искусственной двухпартийной системы. С этого периода начался переход от декоративной «двухпартийности» к многопартийной системе. Были созданы, в частности, проправительственная «Социально-демократическая партия», а также ряд оппозиционных партий, среди которых наиболее влиятельными были «Бразильское демократическое движение» (МБДД) и опирающаяся на массовое профсоюзное движение левая Партия трудящихся (ПТ). Под влиянием вновь созданных партий и профсоюзных объединений (гегемоном последних стал Единый профцентр трудящихся) активизировались массовые кампании протеста с выдвижением экономических и политических требований. В 1982 г. на парламентских выборах и первых прямых выборах губернаторов штатов оппозиция собрала около 60% голосов [7. С. 31]. Это было свидетельством дальнейшего углубления кризиса легитимности военно-авторитарного режима, который практически исчерпал все возможные ресурсы развития.

В 1985 г. состоялись первые после переворота 1964 г. президентские выборы, которые, однако, проводились не путем прямого всенародного голосования, а коллегией выборщиков. Победу на них одержал кандидат от блока оппозиционных партий Т. Невис. Однако за несколько часов до инаугурации он был госпитализирован и вскоре скончался. К обязанностям президента приступил вице-президент Ж. Сарней. Президентские выборы 1985 г. завершили длительный, занявший более 11 лет процесс либерализации и ознаменовали начало демократического транзита. Были проведены выборы в Национальный конгресс, который одновременно наделялся правами Учредительной конституционной ассамблеи, а также выборы губернаторов.

Переходный период завершился принятием в 1988 г. новой Конституции — самой демократической в истории Бразилии. Конституция провозгласила Бразилию демократическим правовым государством, основанным на принципах суверенитета, гражданства, человеческого достоинства, социальных ценностей труда, свободного предпринимательства и политического плюрализма. Юридически закреплялись прямые, тайные и всеобщие выборы президента, вице-президента, депутатов, сенаторов и членов законодательных ассамблей штатов, а также мэров городов и мировых судей. По сравнению с Конституцией 1967 г. были существенно ограничены полномочия федеральных органов и расширены права штатов.

Однако, несмотря на определенные позитивные сдвиги по демократизации институционального дизайна бразильского общества, политический процесс в стране в начале 90-х годов характеризовался нестабильностью, которая была обусловлена как коррупцией в верхах, так и экономическими трудностями. На этой волне нестабильности на первых в 1989 г. прямых и всеобщих президентских выборах был избран до этого мало известный среди политической элиты предприниматель и губернатор небольшого штата Алагос Ф. Колор

де Мело. В своей предвыборной программе он выступал под лозунгами борьбы против привилегий и коррупции, приватизации убыточных предприятий, сокращения государственного регулирования экономики, привлечения иностранного капитала и т.д. Этот эклектический синтез идей популизма и либерализма в выступлениях Колора в конечном итоге и обеспечил ему победу. Однако глашатаю экономической модернизации не удалось реализовать почти ничего из своих предвыборных обещаний. В связи разразившимся в 1993 г. коррупционным скандалом, в котором оказался замешанным и сам президент, Колор, опасаясь импичмента, был вынужден подать в отставку. Это был первый в истории Бразилии случай, когда президент страны был отстранен от власти конституционным путем.

Важным этапом в экономической и политической истории Бразилии 90-х годов прошлого века явился период президентства Э. Кардозо (1995—1998), известного экономиста и социолога, в прошлом левого радикала, возглавлявшего Партию бразильской социал-демократии. До своего избрания на пост президента Бразилии Кардозо занимал пост министра финансов. С его именем связана разработка и реализация широкого известного «Плана реал» — новой денежной единицы Бразилии, приравненной к доллару и подкрепленной золотовалютными фондами государства. Осуществление «Плана реал» способствовало финансово-экономической стабилизации и помогло обуздать инфляцию: месячная инфляция с 49—50% снизилась до 1—3% [6. С. 366]. Успехи Кардозо на посту министра финансов в конечном счете обеспечили ему успех на президентских выборах 1994 г. Здесь, правда, необходимо добавить еще один немаловажный фактор, предопределивший победу Кардозо во втором туре. Его соперником оказался лидер Партии трудящихся, профсоюзный вожак Луис Инасиу да Сильва (или Лула), выступивший с леворадикальной программой пересмотра результатов приватизации, сохранения государственного контроля над ключевыми отраслями экономики, создания новых рабочих мест, моратория на выплату внешнего долга и т.д. В рамках коалиции «Народное движение» Лулу поддержали все левые партии (включая и несколько компартий), а также крупнейшие профсоюзные объединения. При сложившихся обстоятельствах представители крупного бизнеса, т.е. все правые партии, а также значительная часть среднего класса, опасаясь левого радикализма Лулы, предпочли поддержать представителя левоцентристских сил Кардозо, рассматривая его как наименьшее зло.

Будучи социал-демократом, Кардозо до своего избрания на пост президента неоднократно выступал с критикой неолиберального экономического курса. Однако на практике вся его экономическая политика свелась лишь к частичной корректировке неолиберальных реформ. Большим достижением правительства Кардозо стала практическая ликвидация инфляции — с 912% в 1994 г. до 1—3% в 1997—1998 гг. Тогда производство в стране ежегодно росло на 3—4,5% [6. С. 368].

В 1997 г. Кардозо добился принятия поправки к конституции, разрешающей повторное переизбрание президента на второй срок. Это позволило ему на оче-

редных президентских выборах в 1994 г. вновь переизбраться на новый четырехлетний срок (до 1 января 2003 года).

В Аргентине еще в период военной диктатуры, установившейся в 1974 г. и находившейся у власти свыше 9 лет, еще в 1981 г. на базе массового сопротивления и недовольства режимом был создан оппозиционный «Многопартийный союз», костяк которого составили две партии: Хустисиалистская партия (ХП), основанная в свое время бывшим президентом Хуаном Пероном (одним из самых харизматических лидеров в политической истории Аргентины), и Гражданский радикальный союз (ГРС). Главным требованием «Многопартийного союза» было прекращение террора и восстановление гражданского правления.

Пришедшее к власти в 1983 г. в результате выборов гражданское правительство во главе с лидером ГРС президентом Х. Альфонсином под лозунгом «За новое свободное общество, национальный союз и социальную справедливость» получило тяжелое наследство: в экономической области — огромный внешний долг и инфляцию, в политике — последствия авантюрного курса, связанного с войной за Мальвинские острова, а также последствия политических репрессий, связанные с прямым физическим уничтожением противников режима, пытками и проблемой «пропавших без вести».

Наибольших успехов новое гражданское правительство достигло в восстановлении демократических институтов и урегулировании проблем, связанных с правами человека. Одним из первых шагов правительства Альфонсина была отмена репрессивного законодательства, восстановление конституции и провозглашение гражданских прав и свобод. Легализация политических партий, профсоюзов и других общественных организаций сопровождалось ростом массовой политической активности.

Созданная «Национальная комиссия по делам исчезнувших лиц» во главе с известным писателем Э. Сабато опубликовало в декабре 1983 г. доклад «Никогда более», где было документально доказано участие более тысяч офицеров в массовых репрессиях. Под суд были отданы члены военных хунт во главе с бывшими президентами — Х. Виделой, Р. Виолой и Л. Галтиери, которые были признаны виновными в репрессиях, похищениях людей и других фактах нарушения прав человека и получили длительные сроки тюремного заключения [3. С. 100]. Показательно, что Аргентина была одной из немногих стран, где в процессе демократического транзита виновные в проведении репрессивной политики подверглись уголовному наказанию. Это вызвало большой положительный резонанс не только в самой Аргентине, но и далеко за пределами страны.

Однако реакцией на действия, связанные с уголовным преследованием представителей старого режима и силовых структур, стало недовольство военных: в ряде районов вспыхивали восстания со стороны отдельных воинских частей, в результате которых власти были вынуждены приостановить судебные процессы против военных.

Этот фактор в сочетании с ухудшением экономического положения привел к поражению партии Гражданский радикальный союз на президентских выбо-

рах 1989 г.; победу одержал лидер Хустисиалистской (перонистской) партии К. Менем.

В практической политике президента Менема проявилась эволюция идеологии и практики перонизма. Если сам Перон, как и его последователи в 50—80-е годы, выступали с критикой империализма, за «третий путь между социализмом и капитализмом» и государственный протекционизм в экономике, то Менем продемонстрировал прагматичный курс, связанный с неолиберальной политикой. Так, через год после своего избрания он заявил: «Государство как таковое не потерпело краха. Крах потерпел этатизм. Поэтому придание новой роли государству заключается в том, чтобы изменить характер его взаимоотношений с человеком и обществом и обществом в целом. Это означает, прежде всего, его демократизацию, ибо мы стремимся к созданию демократического правового общества. Государство как политический институт и историческая категория сохраняет свое значение. Устарели лишь его функции предпринимателя, производителя, промышленника и коммерсанта. Государство не изжило себя как система политической организации общества, но уже не может быть неким единым большим предприятием» [Цит. по: 7. С. 28].

Неолиберальная экономическая политика в период президентства Менема привела уже в начале 1990-х годов к резкому снижению инфляции, значительному поступлению налогов, укреплению национальной валюты и притоку иностранных инвестиций. Однако этот же экономический курс привел к росту безработицы. Впоследствии, уже в конце 90-х годов, экономический дефолт, постигший Аргентину, по существу свел на нет многие положительные результаты либеральных реформ.

В Уругвае в условиях военной диктатуры армейскими лидерами была разработана особая «Хартия», которая предусматривала проведение референдума по новой конституции лишь после чистки (опять-таки под контролем военных) партий «Колорадо» и «Бланко» — двух старейших и самых влиятельных партий страны. Только после этого допускалось проведение национальных выборов на пост президента с одним кандидатом, согласованным предварительно обеими партиями. Хартия предоставляла также право вето по всем вопросам внутренней и внешней политики. Решив узаконить эти положения в качестве основы будущей Конституции, хунта представила их в 1980 г. на референдум.

Против конституционного проекта военных выступили все партии — от левых (входящих в коалицию «Широкий фронт») до праволиберальных и националистических. В итоге уругвайские граждане, принявшие участие в референдуме, отвергли предложенную хунтой «конституцию» 53% голосов против 47%, несмотря на контроль над СМИ и запрет на всякую оппозиционную деятельность [3. С. 404].

После поражения на референдуме с начала 80-х годов начался процесс либерализации режима. В 1982 г. военным правительством страны были обнародованы специальные указы о смягчении цензуры и расширении деятельности политических партий. Военное правительство обнародовало проект «Положения о пар-

тиях», в соответствии с которым запрещалась деятельность политических партий «с иностранными связями» (имелись в виду, главным образом, левые партии, и в первую очередь коммунисты) и партии, «защищающие насилие» [11. Р. 183]. В результате партии коалиции «Широкий фронт» вынуждены были поддерживать демократическое крыло партии «Колорадо».

Прошедшая в начале 80-х годов серия массовых забастовок и других акций протеста вынудила в конечном итоге лидеров хунты пойти на переговоры с руководителями легальной оппозиции, которые завершились подписанием в 1982 г. пакта «ВМФ». Пакт предусматривал проведение в том же году общенациональных выборов. В процессе переговоров военные были вынуждены согласиться на упразднение высшего органа хунты — Национального совета безопасности, который, по их первоначальному замыслу, обладал бы правом вето на все решения гражданского правительства. Оппозиции удалось также настоять на легализации всех левых партий. Вместе с тем военные добились, во-первых, сохранения за собой исключительного права назначения на все армейские должности без какого-либо вмешательства или контроля со стороны гражданской власти и, во-вторых, запрета на привлечение к ответственности лиц, виновных в нарушении прав человека в годы военной диктатуры.

В ноябре 1984 г. победу на выборах одержал представитель партии «Колорадо» Х. Мария Спангинетти, который и стал президентом страны. С этого периода и начался процесс перехода к демократии в Уругвае.

В Чили процесс перехода от авторитаризма к демократии был, пожалуй, наиболее болезненным. После свержения 11 сентября 1973 г. в результате военного переворота, во многом обусловленного банкротством политики по «социалистическому эксперименту» правительства Народного единства С. Альенде в стране на полтора десятилетия утвердился военно-авторитарный режим. И хотя многие слои населения — не только олигархия и богатые землевладельцы, но и большинство представителей среднего класса и даже значительная часть рабочих, поддержало антиконституционный по своей форме военный переворот, тем не менее, установившийся военный режим носил репрессивный характер, особенно в начальные годы своего функционирования. Это не могло не вызвать недовольство властью военной хунты (особенно если учитывать то обстоятельство, что, в отличие от многих латиноамериканских стран, в Чили демократические традиции были укоренены относительно глубже), отчуждения общества от власти и постепенного вызревания и роста оппозиционных настроений.

Однако уникальность пиночетовской диктатуры состояла в том, что впервые в рамках авторитаризма были осуществлены широкие неолиберальные реформы, улучшившие макроэкономические показатели, когда и в стране, и далеко за ее пределами заговорили о «чилийском чуде». Это в какой-то степени на определенном временном отрезке (конец 70-х — первая половина 80-х гг.) способствовало укреплению как легитимности военно-авторитарного режима, так и авторитета самого Пиночета. Как правильно отмечает Е.А. Федякова, «политический строй Чили 1973—1988 гг. основывается на трех осях: власти вооруженных сил, экономическом успехе и власти генерала Пиночета» [1. С. 47].

С 1974 г. в состав правительства — точнее, в его экономический блок — была включена группа молодых экономистов, получившая позднее название «чикагские мальчики». Интеллектуальным лидером этой команды по праву считается Сержио Де Кастро, который в различные периоды пиночетовского правления занимал посты министра экономики (1974—1976) и министра финансов (1976—1982). Уже к началу 1980-х годов по его инициативе все предприятия, национализированные при Альенде, были возвращены их прежним владельцам. Кроме того, даже те предприятия, которые до прихода к власти правительства Народно-го единства находились в государственной собственности, стали объектом приватизации. Аналогично и в сельском хозяйстве земельная собственность, изъятая у частных землевладельцев при Альенде, была возвращена прежним хозяевам, а остатки государственных земельных угодий были также приватизированы.

Другим важным направлением экономической политики Де Кастро было сокращение более чем наполовину государственных расходов в рамках ВВП. К 1978 г. по его инициативе аппарат правительства был сокращен на 67 000 чиновников. Показательно, что если в 1973 г., накануне военного переворота, дефицит бюджета составлял 24% от ВВП, то к 1978 г. он упал до 0,8% [13. Р. 36].

По инициативе команды «чикагских мальчиков» были освобождены цены почти на все потребительские товары. Принятые правительством новые инвестиционные законы создали благоприятные предпосылки для притока иностранного капитала. Последнее, в свою очередь, явилось стимулом для повышения конкурентоспособности отечественной промышленной и сельскохозяйственной продукции не только на внутреннем, но на мировом рынке. Так, если в 1973 г. экспорт меди составлял 82% от всего чилийского экспорта, то к 1986 г. он снизился до 42%. За этот же период экспорт промышленной продукции ежегодно возрастал на 19%, а сельскохозяйственной — на 24% [13. Р. 37].

Однако, как показала последующая практика и экономического, и политического развития, тезис о «чилийском чуде», основанный на реальном улучшении отдельных макроэкономических показателей, тем не менее, оказался мифическим в том, что касалось жизненного уровня рядовых чилийцев. Об этом свидетельствовали следующие данные: к концу 1982 г. ВВП упал на 14,5%, доля промышленного сектора снизилась на 21,69%, а уровень безработицы достиг 30% [9. Р. 98]. В 1985 г. 45% населения проживало за чертой бедности, а 20% находились в условиях крайней нищеты [9. Р. 100]. Это привело к новому всплеску массовых выступлений.

События первой половины 80-х годов показали, что частичные успехи неолиберального курса не являются панацеей от экономических кризисов. Неблагоприятная экономическая конъюнктура на внешнем рынке (главным образом резкое падение цен на медь) обусловила кризис 1981—1983 гг., в результате которого правительство даже вынуждено было временно отойти от своей экономической политики и прибегнуть к мерам экономического протекционизма, что привело к определенному улучшению экономической ситуации, в частности к некоторому снижению безработицы и росту заработной платы.

В этот же период Пиночет пошел на некоторые меры по либерализации режима. Уже в 1980 г. принимается новая конституция «под Пиночета». В начале 80-х годов декларируется постепенный переход к представительной демократии. Однако Конституция предполагала постепенный возврат к гражданскому правительству: осуществление ее основных статей, и особенно проведение выборов, откладывалось на 8 лет. В 1987 г. специальным декретом было допущено в ограниченных масштабах функционирование парламента и ряда политических партий. Однако деятельность последних оставалась строго регламентированной, в то время как вооруженные силы сохраняли свой статус в качестве высшего и автономного органа власти. В соответствии с законом о политических партиях возможность зарегистрироваться и действовать легально получили те из них, которые обязались соблюдать принципы, зафиксированные в Основном законе.

В 80-е годы произошли определенные изменения и в расстановке политических сил страны. Сразу после переворота 1973 г. и массовых репрессий против противников режима внутри антипиночетовской оппозиции преобладающим было влияние компартии, леворадикальной части чилийских социалистов и ряда левацких организаций. Их общей установкой был курс на развертывание вооруженной борьбы против военной диктатуры. Однако попытки осуществления каких-либо вооруженных акций против режима, так же как и неудачные попытки покушения на Пиночета, терпели неудачу и сопровождалась репрессиями против левых сил. Это в значительной мере обескровило действовавшие и без того в глубоком подполье левые партии.

В течение 80-х годов многие руководители ряда левых организаций (прежде всего Социалистической партии), особенно те из них, которые находились в европейской эмиграции, подпали под влияние еврокоммунизма и европейской социал-демократии. На эволюцию их воззрений в немалой степени оказал воздействие процесс мирной демократической трансформации в Испании, а также уроки демократического транзита в Португалии. Важным катализатором идейной эволюции чилийских левых в сторону сближения их установок с позицией международной социал-демократии стали процессы в СССР периода перестройки, а также кризис и последующий крах мировой социалистической системы. Впоследствии из программных документов Социалистической партии были изъяты положения о марксизме-ленинизме, а социалистическая перспектива стала трактоваться в русле современной социал-демократической идеологии.

Уже в первой половине 80-х годов в деятельности по мобилизации оппозиционных сил, недовольных военным режимом, центр тяжести постепенно переместился к центристам и левоцентристам. В 1988 г. на базе полутора десятка партий создается коалиция «Объединение партий за демократию» (Concertacion), которая и возглавила процесс борьбы за либерализацию пиночетовского режима и дальнейшую демократизацию политической системы. Стратегическая линия оппозиции была направлена на участие в плебисците 1988 г. Эта линия была поддержана всеми партиями, кроме коммунистов. «Объединение», в котором главными политическими акторами стали лидеры старейшей Христианско-демократической партии (ХДП) и часть социалистов, сыграло важную роль как по мо-

биллизации сторонников демократической трансформации режима, так и в переговорном процессе с Пиночетом по конкретным мерам, связанным с переходом к гражданскому правлению. Показательно, что позиция Коммунистической партии Чили, которая вплоть до конца 80-х годов придерживалась сектантских установок на вооруженную борьбу с диктатурой, оставалась неизменной. Это обусловило ее изоляцию как от других демократических сил, так и от общества.

В соответствии с конституцией на март 1988 г. был назначен плебисцит, по итогам которого либо продлевались полномочия Пиночета еще на 8 лет, либо власть переходила к гражданскому правительству. По мнению многих аналитиков, Пиночет, согласившись на проведение плебисцита, надеялся на его успешный исход, полагаясь на такие факторы, как частичные успехи его экономической политики, слабость оппозиции и укоренившаяся за годы диктатуры легитимность его правления.

К февралю 1988 г. было сформировано «Объединение партий, призванных сказать «нет» режиму Пиночета» (*Concertacion de Partidos por el NO*), которое сумело сплотить вокруг себя 15 политических партий с целью дать отрицательный ответ по вопросу о продлении пиночетовского правления. Костяк Объединения составили ХДП, Партия за демократию и обновленная Социалистическая партия. На состоявшемся плебисците 54% от числа проголосовавших выступили против Пиночета («за» проголосовало 43%) [12. Р. 379—380].

В течение года между периодом плебисцита и выборами, назначенными на конец 1989 г., между руководителями объединения и Пиночетом продолжались переговоры по вопросам будущего устройства страны и обсуждения ряда поправок к Конституции 1980 г. Не все требования Объединения были удовлетворены. Тем не менее, удалось добиться отмены статьи Конституции, запрещающей деятельность политических партий по идеологическим основаниям (это прежде всего затрагивало Коммунистическую партию и ее легализацию), а также принятия положений, упрощающих в будущем процедуру внесения и принятия поправок в Конституцию [Ibid. Р. 381]. Эти изменения были приняты на очередном плебисците, состоявшемся в июле 1989 г. Наряду с этим и со стороны Пиночета были выдвинуты условия, представлявшие собой определенную «цену» за свободные выборы и переход к гражданскому правлению: 1) сохранение постов за высшим командным составом вооруженных сил и полиции; 2) защита «престижа военнослужащих и полицейских»; 3) энергичная борьба с терроризмом; 4) уважение мнений национального совета безопасности, который формируется из четырех представителей военных и четырех представителей гражданского населения; 4) сохранение амнистии, охватывающей политические преступления, совершенные в период между 1973 и 1978 годами; 6) отказ политических властей от вмешательства в процесс выработки оборонительной политики, в том числе в процесс функционирования военных судов, присвоения высших воинских званий, определения военного бюджета и т.д.; 7) право называть имена девяти членов сената; 8) автономия центрального банка, президент которого был назначен военными; 9) признание приватизации предприятий, осуществленной за годы во-

енного правления; 10) автоматическая дотация доходов от продажи меди в военный бюджет [5. С. 120—121].

На состоявшихся 14 декабря президентских выборах — первых после семнадцатилетнего военно-диктаторского правления — президентом был избран лидер объединенной демократической оппозиции христианский демократ П. Эйлвин. На состоявшихся тогда же парламентских выборах голоса распределились следующим образом: правые партии получили 40% голосов, Христианская демократическая партия — 33%, Социалистическая партия — около 26% [10. Р. 116]. По итогам выборов П. Эйлвином было сформировано левоцентристское коалиционное правительство на базе трех партий — ХДП, Социалистической партии и Партии за демократию.

Одним из последствий пиночетовского правления, по данным многочисленных социологических исследований и опросов, был сохраняющийся почти до конца 90-х годов среди значительной части населения страх перед политическим участием и боязнь быть вовлеченными в политику. Естественно, что преодоление этого отчуждения от власти, как наследия пиночетовской диктатуры, потребовало не одно десятилетие. Тем не менее, с выборами 1989 г., которые завершили долгий период военно-авторитарного правления, начался этап демократического транзита в Чили.

Таким образом, все вышеприведенные примеры свидетельствуют о коллапсе военно-авторитарных и диктаторских режимов и о включенности стран латиноамериканского континента в современную волну демократизации. Можно выделить следующие факторы демократических процессов в Латинской Америке в 1980-е годы.

В первую очередь следует отметить, что в процессе функционирования военных режимов последние исчерпали сами себя. Когда в 60—70-е годы военные приходили к власти, то их легитимность обуславливалась некомпетентностью предшествующих гражданских правительств, высоким уровнем коррупции в различных эшелонах гражданской власти, повстанческими и партизанскими действиями левых радикалов, слабостью и неустойчивостью прежних демократических институтов, что нередко усугубляло политическую нестабильность. В результате со стороны определенной части общества армия рассматривалась как «национальный спаситель», а приход к власти военных зачастую воспринимался с вздохом облегчения. В международном плане (особенно со стороны США) легитимность военно-авторитарных режимов оправдывалась угрозой «коммунистической экспансии» в Латинской Америке. Однако с конца 70-х годов ситуация начинает меняться.

Во-вторых, опосредованную экономическую роль в кризисе военных режимов сыграли результаты ускоренной индустриализации в сочетании (в отдельных наиболее развитых странах, например в Бразилии) с элементами постиндустриализма. Данное обстоятельство способствовало углублению характерного для континента противоречия между модернизацией и традиционализмом.

Более непосредственной предпосылкой вызревания кризиса легитимности военно-авторитарных режимов и в конечном счете ее утраты стала неэффектив-

ность военного правления. Когда в результате переворотов военные хунты приходили к власти, то они декларировали борьбу с коррупцией, а также стремление покончить с экономическим и политическим хаосом. Однако, несмотря на некоторые успехи, достигнутые в ряде стран в отдельные периоды военного правления, все пороки, присущие прежним гражданским режимам (которые в общественном сознании ассоциировались с демократией), воспроизводились в не меньших масштабах. Это проявлялось в фактах коррупции в различных эшелонах власти, ухудшении экономического положения, росте безработицы и т.д. В сочетании с отсутствием политических свобод и нарушением прав человека вызывало растущее недовольство среди населения. Данное обстоятельство учитывали и отдельные представители генералитета и офицерского корпуса, осознавая, что дискредитация военно-авторитарного режима может привести к дискредитации армии. Поэтому не случайно, что в ряде государств сами представители вооруженных сил инициировали переход к гражданскому правлению.

Социальной основой перехода от авторитаризма к демократии стали рост среднего класса и усиление структур гражданского общества. Именно представители среднего класса, объединенные в общественные ассоциации (как правило, неполитического характера), зачастую в сотрудничестве с политическими партиями (в том числе и находящимися на нелегальном положении), артикулировали требования по демократизации режима. Не последнюю роль в этих процессах сыграла церковь и религиозные организации.

Говоря о латиноамериканском транзите 80-х годов, нельзя не учитывать и международные факторы. Одним из таких факторов стала изменившаяся позиция северного соседа, т.е. США. Если в послевоенный период благосклонность североамериканских правителей и к военным переворотам, и к военно-авторитарным и диктаторским режимам обуславливалась реалиями холодной войны и «коммунистической угрозой», то в 80-е годы ситуация начинает постепенно меняться. Начатая еще в конце 80-х годов тогдашним президентом США Дж. Картером широкомасштабная кампания за права человека стала постепенно распространяться и на латиноамериканские страны. Многие представители элиты этих стран, особенно с учетом кубинского и никарагуанского (80-х годов) опыта, начинали осознавать, что сохранение авторитарного строя лишь усиливает леворадикальные тенденции.

Другим важным внешним фактором демократических транзитов стал отмеченный С. Хантингтоном эффект «снежного кома», т.е. цепной реакции. И хотя переход к гражданскому демократическому правлению в Латинской Америке отличался большей неравномерностью и временной протяженностью, чем в Южной Европе, тем не менее, он был завершен в течение десятилетия к концу 80-х годов. Показательно, что этот процесс по существу совпал во времени с началом демократизации в бывшем СССР, демократическими революциями в странах Восточной Европы и окончанием холодной войны.

Однако на последующих этапах процесс углубления демократических трансформаций столкнулся с новыми трудностями. В отличие от государств Южной Европы, здесь не приходится говорить о сложившихся консолидированных

ванных демократиях. В начале 2000-х годов в ряде латиноамериканских государств наблюдаются попятные тенденции, связанные с угрозой авторитаризма. О сложности и противоречиях консолидации демократии в Латинской Америке пойдет речь в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. — М., 1996.
- [2] Гончарова Т.В., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. — М., 1995.
- [3] История Латинской Америки. Вторая половина XX века. — М.: Наука, 2004.
- [4] Латинская Америка и Карибы: политические институты и процессы. — М., 2000.
- [5] Пишеворский А. Демократия и рынок. — М., 1999.
- [6] Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. — М.: Дрофа, 2002.
- [7] Хачатуров К.А. Латиноамериканские уроки для России. — М.: Междунар. отношения, 1999.
- [8] Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. — М.: Наука, 2003.
- [9] Borzutzky Sylvia. Chilean Democracy Before and After Pinochet // Deepening Democracy in Latin America. — Pittsburgh, 1998.
- [10] Drake, Paul. W. The Rise and Fall and Rise of the Socialist Party of Chile // Political Culture, Social movement and Democratic Transition in s in South America in Twentieth Century. — Milano, 1997.
- [11] Charles G. Gilespi. Uruguay's Transition from Collegial Military-Technocratic Rule // Transition From Authoritarian Rule: Latin America. — Baltimore, 1993.
- [12] Collier, Simon. Sater, William F. A History of Chile. 1808—1994. — Cambridge, 1997.
- [13] Roberts P.C., Araujo K.L. The Capitalist Revolution in Latin America. — N.Y., 1997.
- [14] Wiadra, Howard J. Iberia and Latin America: New Democracies, New Policies, New Models. — Lanham, 1996.
- [15] Wiadra, Howard. The Soul of Latin America: The Cultural and Political Traditions. — New Haven and London, 2001.

REGIONAL PARTICULARITIES OF DEMOCRATIZATION: DEMOCRATIC TRANSITIONS AND THE PROBLEMS OF THE CONSOLIDATION OF DEMOCRACY IN LATIN AMERICA

A.S. Madatov

The Department of Political Science
Russian People's Friendship University
Miklucho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is a continuation of the previous ones concerning the regional features of democratic transition and consolidation. The author considers the particularities of democratic transformation in the continent in its initial stage. Special part of the article dedicates to the dynamic of the Latin American civilization. On the case studies (Brazil, Chile etc.) the processes of the collapse of authoritarian regimes and democratic transitions are considered.